

207

31.ЯНВ.1916

1915 г.

РИЖСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

Ноябрь—Декабрь. №№ 21—24.

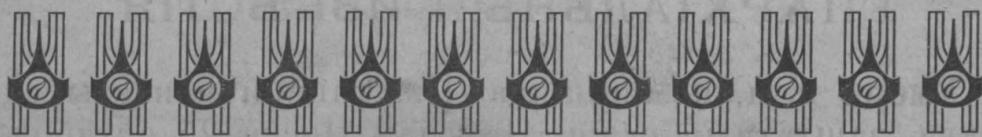
СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ официальный. Циркулярное отношеніе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.—Епархіальныя извѣстія.

Отдѣлъ неофициальный. Вѣнецъ славы и прославленія Божія.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Іоанномъ эвакуированной Риги.—На передовой пастырской позиціи.—† Заштатный свящ. Николай Ивановичъ Поска.—Поученіе свящ. о. А. Луги.—Отъ редакціи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Нижній-Новгородъ, Канатная, № 11, кв. 1.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Циркулярное отношеніе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Рижская Духовная Консисторія слушали: сданное Его Высокопреосвященствомъ въ Консисторію циркулярное отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 3 ноября 1915 года за № 10883 слѣдующаго содержанія: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 8 день минувшаго октября, ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ воспретить всѣмъ чинамъ Русской Арміи ношеніе болгарскихъ орденовъ и знаковъ отличія. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, въ 17 день минувшаго октября, благоугодно было повелѣть распространить изъясненное воспрещеніе на чиновъ гражданскаго вѣдомства. О таковой МОНАРШЕЙ волѣ, сообщенной мнѣ за Главноуправляющаго Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріей Статсъ-Секретаремъ Воеводскимъ, имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопреосвященство для зависящихъ распоряженій. Приказали: Содержаніе отношенія объявить указомъ духовенству, монастырямъ и духовно-учебнымъ заведеніямъ епархіи къ исполненію, чрезъ напечатаніе въ Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

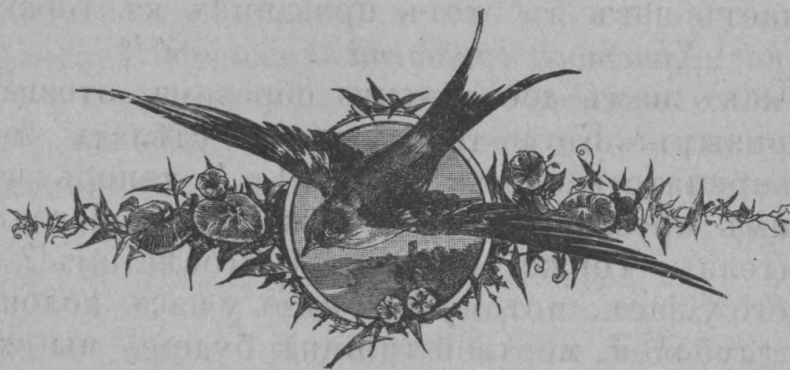
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Умеръ и. д. псаломщика Пюхтицкой монастырской церкви, заштатный свящ. Николай Поска 25 октября.

Уволены псаломщики церквей: Гензельсгофской Иванъ Мвзить 3 сентября, Кокенгузенской Мартинъ Балнинъ 15 октября, Подисской Матѳеѣй Изमितъ 30 октября, Кикеферской Иоаннъ Петри 7 ноября, Ямской Николаевской Иоаннъ Медвѣдевъ 16 ноября.

Предоставлены псаломщическія мѣста: учителю Якобштадтскаго Владиміро-Маріинскаго приходскаго училища Пантелеимону Литвинскому при Лембургской церкви 17 октября, учителю Мудаской вспомогательной школы Иоанну Лайду при Кыргесаарской церкви 27 октября, бывшему псаломщику Гарбельской церкви Августину Киккасу при Аррокюльской церкви 27 октября, окончившему курсъ Рижской Духовной Семинаріи, бывшему псаломщику Оллустверской церкви Василю Ораву при Вейсенштейнской церкви 5 декабря.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВѢНЕЦЪ СЛАВЫ И ПРОСЛАВЛЕНІЯ БОЖІЯ *).

„Слава въ вышнихъ Богу“.

(Л. 2 г., 14 ст.).

Наступаетъ великій и свѣтлый праздникъ Рождества Христова. Это праздникъ величайшей славы Божіей, а потому и величайшаго прославленія Господа людьми. Вотъ почему и небесная Церковь въ своемъ дивномъ пѣснопѣніи этого праздника устами Св. Ангеловъ, прежде всего, возвѣщаетъ славу Божію: *Слава въ вышнихъ Богу!* И земная наша Церковь, прежде всего, приглашаетъ насъ въ этотъ праздникъ къ Божію прославленію: *„Христосъ рождается, славите!“*

Но какъ намъ достойнымъ образомъ отозваться на этотъ призывъ? Когда-то мы могли сдѣлать это и дѣлали безпрепятственно, а теперь?! А теперь чѣмъ мы прославимъ преславный день рожденія нашего Господа и Спасителя?—Торжественнымъ благовѣстомъ!? Увы! не будетъ его у насъ, потому что нѣтъ у насъ колоколовъ!..

Въ глубокой, мертвой тишинѣ будемъ мы сходитьсь на праздничную службу.

— Множествомъ свѣтильниковъ!? О, нѣтъ! храмъ нашъ будетъ едва полуосвѣщенъ!

— Стройнымъ пѣніемъ? Не будетъ и его!

— Многочисленностью собранія! Но вѣдь паства наша въ разсѣяніи!

— Радостными чувствами, восторженными сердцами? Но сердца наши подавлены, чувства мрачны!

Боже, Господи! Чѣмъ же и какъ намъ прославить

*) Поученіе это предназначалось къ произнесенію въ Навечеріе Рождества Христова въ рижскомъ каѳ. соборѣ, но не было произнесено за отсутствіемъ слушателей.

Тебя въ эту ночь Твоей высшей славы?! Мы такъ оскудѣли, такъ обнищали, такъ огорчены!..

Но не смущайтесь и не унывайте, возлюбленные братіе и сестры! Наше настоящее безславіе и скудость наша въ обычныхъ средствахъ прославленія Господа отнюдь еще не могутъ быть достаточною причиною для того, чтобы намъ совсѣмъ отказаться отъ священнаго долга славить нашего Спасителя въ приснопамятный день Его земного рожденія.

У насъ всетаки еще имѣется самое лучшее и самое богатое средство къ Божію прославленію. Настоящая наша скудость, наше нынѣшнее внѣшнее безславіе не только не лишаютъ насъ этого наилучшаго и наивысшаго средства Божія прославленія, напротивъ, особенно благопріятствуютъ полному использованию его. Обратите вниманіе на то, что и самая-то слава Божія, проявившаяся въ плотскомъ рожденіи Сына Божія, есть особенная слава. Эта слава заключается не въ подавляющемъ всемогуществѣ, а въ милующей любви, не въ ослѣпляющемъ величіи, а въ скромнѣйшемъ смиреніи, не въ чрезмѣрномъ богатствѣ, а въ крайней нищетѣ.

Изъ безконечной любви къ міру и людямъ Сынъ Божій отрекся отъ безграничнаго Божественнаго всемогущества и вмѣстился въ плоть немощнаго младенца, снизшелъ изъ области блаженной вѣчности въ юдоль человѣческой многогрѣшной и многобѣдственной жизни, началъ свое земное бытіе не во дворцѣ и чертогахъ, а въ убогомъ вертепѣ и скотскихъ ясляхъ!

Не очевидно-ли, что сущность славы Божіей, завершившейся воплощеніемъ Сына Божія и Его рожденіемъ въ вертепѣ виелеемскомъ, заключалась собственно въ добровольномъ безславіи, униженіи и обнищаніи! Господь Богъ нашъ, безмѣрно великій въ Божественномъ всемогуществѣ, блескѣ и безграничности, въ ночь Рождества Христова усвоилъ Себѣ и всю безграничность умаленія, униженія и оскудѣнія. Ничего уже въ мірѣ не осталось съ этого момента, чѣмъ бы Господь Богъ нашъ не владѣлъ по существу, какъ своею неотъемлемою принадлежностью и собственностью. Онъ, безграничный въ всемогуществѣ и величіи, сталъ безграничнымъ въ слабости и умаленіи. Эти слабость и умаленіе, принадлежавшія дотолѣ лишь человѣческому существованію, Тво-

рець и Богъ нашъ усвоилъ Себѣ въ ночь рожденія Христова вполнѣ добровольно изъ безграничной любви къ намъ, ничтожнымъ и недостойнымъ.

Онъ снизошелъ до нашего безславія и нищеты, чтобы приблизить насъ къ Своей безконечной Славѣ и преизобильному богатству!

Но если Самъ Господь Богъ благоволилъ вѣнцомъ Своей славы избрать внѣшнее безславіе, скудость и смиреніе, то и наше прославленіе Его не нуждается ни въ какомъ внѣшнемъ великолѣпіи, обиліи и блескѣ. Нѣтъ особенной нужды ни въ колоколахъ ни въ свѣтильникахъ, ни въ блескѣ, ни въ великолѣпіи. Мы можемъ и должны прославить Его въ нынѣшній праздникъ Рождества Христова тѣмъ именно духовнымъ благомъ, во имя котораго Онъ Самъ сталъ съ внѣшней стороны безславенъ, нищъ и смиренъ.

Этимъ благомъ была безконечная Божественная любовь!

Любовію прославимъ и мы нашего безконечно любящаго Господа—любовію къ Нему и къ Его меньшимъ братьямъ—людямъ!

Усилимъ свою любовь къ Господу съ нынѣшняго праздника любви! Теперь намъ легче полюбить Господа. Настоящія обстоятельства, какъ это ни странно, помогаютъ намъ больше сосредоточить свою любовь на невидимомъ Богѣ, Отцѣ, Создателѣ и Спасителѣ нашемъ.

Настоящіе дни жесточайшей войны лишили насъ многихъ лицъ и предметовъ, доселѣ привязывавшихъ насъ къ себѣ и отвлекавшихъ нашу любовь отъ Господа. Многие теперь осиротѣли, потеряли отцовъ, мужей, жениховъ, друзей, сыновей. Такіе должны сосредоточить всю освободившуюся силу любви на Самомъ Господѣ Богѣ! Лишившіеся земныхъ отцовъ, возлюбите еще болѣе Отца Небеснаго! къ Нему приблизьтесь! въ Немъ ищите и опору и утвержденіе! Потерявшіе братьевъ, жениховъ, друзей и сыновей, возлюбите крѣпче и сердечнѣе Сына Божія, жениха душъ нашихъ, брата небеснаго и друга вѣрнаго на вѣки!

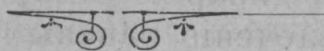
Оскудѣвшіе въ благахъ земныхъ, прилѣпите къ благамъ небеснымъ—духовнымъ! возлюбите Духа Божія, Сокровище благъ вѣчныхъ! Возрадуйте, что въ нашемъ полусааженномъ и оскудѣвшемъ городѣ нынче не бу-

детъ въ день Рождества Христова ни пировъ, ни елокъ, ни пьянства, ни визитовъ, ни театровъ, ни суетныхъ увеселеній! Пусть будетъ у насъ только одинъ пиръ живой вѣры, одна трапеза усилившейся въ сердцахъ сокровенной любви къ Господу!

Прославьте, наконецъ, рожденіе Спасителя и усиленной любовью къ Его ближнимъ! И эту любовь намъ теперь особенно легко умножить и усилить. Возлюбите со всей искренностью, прежде всего, тѣхъ ближнихъ, которые особенно достойны нашей любви, — возлюбите добрыхъ воиновъ, которые ради насъ и мерзнутъ, и голодаютъ, и ежеминутно подвергаются всякимъ опасностямъ и смертямъ! Возлюбите воиновъ, пострадавшихъ, израненныхъ, искалѣченныхъ, страждущихъ на одрѣ болѣзни. Ихъ раны приняты за насъ; ихъ страданія понесены за наше благоденствіе! Какъ же намъ не возлюбить ихъ!? Не оставьте вашу усиленную любовь и горькихъ сиротъ воиновъ, и обездоленныхъ бѣженцевъ, и всѣхъ страждущихъ и обнищавшихъ ближнихъ своихъ! Ради обнищавшаго за насъ и снисшедшаго до вертепа Христа Спасителя, будьте милосердны и любвеобильны къ Его бѣдствующимъ и нищенствующимъ въ земныхъ вертепахъ братьямъ! Самъ Господь Богъ да усовершитъ, всѣхъ насъ нынѣ въ искренней любви къ Нему и къ людямъ!

Свящ. В. Шукинъ.

Посѣщенія Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Іоанномъ эвакуированной Риги.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Іоаннъ, Архіепископъ Рижскій и Митавскій, уѣхавъ по распоряженію военныхъ властей во время эвакуаціи изъ Риги и имѣя временное пребываніе сперва въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, а затѣмъ въ г. Юрьевѣ, будучи тѣлесно разлученъ съ оставшимся въ Ригѣ православнымъ населеніемъ, духовно оставался съ нимъ въ единеніи и всегда молился о спасеніи Риги отъ враговъ. Желая преподать рижанамъ непосредственное утѣшеніе,

Его Высокопреосвященство предпринялъ осенью изъ Юрьева двѣ поѣздки въ Ригу для совершенія тамъ богослуженій. Въ первый разъ Владыка поѣхалъ въ Ригу 30 октября и пробылъ въ Ригѣ четыре дня; здѣсь онъ совершилъ слѣдующія богослуженія:

31 октября въ Алексіевскомъ монастырѣ Литургію и панихиду по павшимъ въ бою вождемъ и воиномъ, вечеромъ, въ 5 ч., въ кафедральномъ соборѣ все-нощное бдѣніе;

1 ноября въ кафедральномъ соборѣ Литургію и молебенъ о дарованіи побѣды;

вечеромъ тамъ же акаѳистъ Покрову Божіей Матери;

2 ноября—акаѳистъ въ Алексіевскомъ монастырѣ.

3 ноября владыка вернулся въ Юрьевъ.

За всѣми литургіями, а также во время акаѳистовъ Его Высокопреосвященство произносилъ высокопоучительныя назиданія, въ которыхъ предлагалъ утѣшеніе и увѣщаніе къ мужественному перенесенію тяготъ и лишеній военнаго времени. Въ своихъ поученіяхъ Владыка нерѣдко касался военныхъ обстоятельствъ, дѣлая нравственныя примѣненія и выводы. Такъ напр., 1 ноября, въ день памяти безсребренниковъ Космы и Даміана, объясняя притчу о милосердномъ Самарянинѣ, указалъ прекрасныя параллели. Іудей, впадшій въ разбойники, — это наши воины, впадшіе въ руки жестокихъ германцевъ; самарянинъ—врачи и сестры милосердія; гостинница—лазареты; два динарія самарянина это наши пожертвованія на излеченіе раненыхъ воиновъ. Нужно молиться Космѣ и Даміану, чтобы они помогали тѣлеснымъ врачамъ при заботахъ о раненыхъ воинахъ.

Православные рижане были весьма рады пребыванію Его Высокопреосвященства въ Ригѣ. Они живутъ вблизи боевой линіи; нерѣдко слышатъ канонаду; подвергаются налету германскихъ аэроплановъ и цеппелиновъ; ощущаютъ тревогу отъ близости непріятеля. Поэтому они нуждаются въ духовномъ утѣшеніи и нравственномъ ободреніи. Все это они нашли въ богослуженіяхъ и поученіяхъ своего любимаго Архипастыря. Рижане усердно посѣщали богослуженія, совершаемыя Владыкою, и съ глубокимъ вниманіемъ выслушивали глубоко-назидательныя поученія его.

Во второй разъ Высокопреосвященнѣйшій отправился изъ Юрѣва 19 ноября 1915 г. Въ 6^{1/2} ч. вечера, онъ прибылъ снова на стогны дорогого его сердцу города, подѣ сѣнь незабвенныхъ рижскихъ храмовъ: Радъ былъ Владыка снова увидѣть свой домъ, свой городъ, своихъ рижанъ. Безмѣрно были рады своему Архипастырю и тѣ немногіе православные рижане, которые все еще оставались въ Ригѣ. Владыку ожидалъ на вокзалѣ губернаторскій автомобиль, который и доставилъ Архипастыря въ архіерейскій домъ. 20 ноября, въ 5 час. веч., Его Высокопреосвященство изволилъ совершить въ кафедральномъ соборѣ торжественное всенощное бдѣніе, а 21 въ 9^{1/2} ч. у. Божественную Литургію и молебенъ въ сослуженіи о. ключаря собора свящ. А. Климентовскаго, свящ. о. Сергія Азелицкаго, о. миссіонера свящ. І. Павеля, свящ. В. Церина и діаконовъ—К. Дорина и І. Колтуновскаго. Во время всенощной Владыка выходилъ на литію, величаніе и совершалъ елеопомазаніе молящихся, которыхъ было много. Храмъ не былъ, какъ бывало, залитъ свѣтомъ, но алтарь совнѣ и внутри былъ достаточно освѣщенъ. Довольно стройно пѣлъ хоръ пѣвчихъ-любителей подѣ управленіемъ свящ. о. А. Колѣнцева. Въ концѣ Литургіи Его Высокопреосвященство произнесъ назидательное слово, посвященное празднуемому событію. Молящіеся, которыхъ за Литургіей было довольно много, съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слушали своего любимаго Архипастыря, посѣтившаго и ободрившаго своимъ служеніемъ и словомъ осиротѣлыхъ рижанъ. Послѣ Литургіи былъ совершенъ молебенъ Божіей Матери и о дарованіи побѣды. Богослуженіе окончилось въ половинѣ второго часа дня.

Вечеромъ въ тотъ же день Его Высокопреосвященство изволилъ слушать всенощное бдѣніе въ храмѣ Алексіевскаго мужского монастыря и выходилъ на величаніе Св. благовѣрному князю Михаилу Тверскому.

Въ воскресенье, 22-го ноября, Владыка совершилъ Литургію и молебенъ о дарованіи побѣды въ кафедральномъ соборѣ. Сослужащіе были тѣ же, что и наканунѣ. Молящихся было довольно много. Стройно пѣлъ хоръ пѣвчихъ-любителей; среди нихъ была даже одна лютеранка-бѣженка изъ Митавы. Въ концѣ Литургіи Его Высокопреосвященство произнесъ очень назидательное поуче-

ніе на тему изъ апостольскаго и евангельскаго чтенія. Слушатели съ особенно сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали архіерейское Богослуженіе и проповѣдь.

22-го ноября, въ воскресенье, въ 5 час. веч., Его Высокопреосвященство совершилъ въ каѳ. соборѣ торжественное всенощное бдѣніе съ литіей, чтеніемъ акаѳиста св. Александру Невскому и елеопомазаніемъ. Богослуженіе совершалось въ правомъ придѣлѣ собора, престолъ котораго устроенъ въ честь св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Благодаря воскресному дню, молящихся въ соборѣ было много. Пѣлъ хоръ любителей—воиновъ и архіерейскіе исполтчики. Акаѳистъ св. Александру Невскому со вниманіемъ былъ прослушанъ молящимися. Всенощное бдѣніе продолжалось до 8^{1/2} ч. вечера.

Утромъ, 23 ноября, въ 8^{1/2} часовъ, ключарь собора о. А. Климентовскій, по случаю престольнаго праздника, совершилъ водосвятный молебенъ предъ Литургіей и окропилъ св. водой храмъ и молящихся.

Въ 9^{1/2} часовъ прибылъ въ соборъ Его Высокопреосвященство. Встрѣченный духовенствомъ у главнаго входа въ соборъ, Владыка прослѣдовалъ въ правый придѣлъ храма во имя св. Александра Невскаго, гдѣ и совершилъ Божественную Литургію. Въ концѣ Литургіи Архипастыръ обратился къ молящимся съ словомъ назиданія, въ которомъ яркими красками обрисовалъ жизнь и дѣятельность св. благовѣрнаго князя Александра и его значеніе особенно для Прибалтійскаго края, какъ защитника и небеснаго покровителя этого края въ борьбѣ съ врагами вѣры и родины. По окончаніи Литургіи былъ совершенъ Архипастыремъ молебенъ св. благовѣрному князю Александру Невскому и вмѣстѣ молебенъ о дарованіи побѣды съ установленными многолѣтіями и вѣчной памятью павшимъ героямъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Его Высокопреосвященство совершилъ торжественное всенощное бдѣніе съ литіей и чтеніемъ акаѳиста св. великомученицѣ Екатерины въ Алексіевскомъ мужскомъ монастырѣ, правый придѣлъ храма котораго посвященъ св. Екатеринѣ. Было много молящихся; довольно стройно пѣлъ хоръ любителей. Владыкѣ сослужили: завѣдующій монастыремъ, іеромонахъ Сергій, ключарь, свящ. А. Климентов-

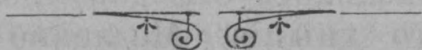
скій, о. миссіонеръ, свящ. І. Павель, іеромонахъ Макарій и іеромонахъ Тихонъ, при исп. об. протодіакона К. Доринъ, іеродіаконахъ Серафимъ и Донатъ. Во время Литургіи Владыка произнесъ слово, изобразившее жизнь и страданія св. великомуч. Екатерины и указавшее назидательные уроки изъ ея жизни. Послѣ Литургіи былъ отслуженъ молебенъ св. Екатеринѣ, покровительницѣ храма.

Въ 4 часа вечера, 24-го ноября, Его Выскопреосвященствомъ былъ совершенъ молебенъ съ чтеніемъ акаѳиста Спасителю въ часовнѣ, противъ Двинскаго вокзала.

Во время пребыванія въ Ригѣ Его Высокопреосвященство посѣтилъ нѣсколько лазаретовъ, подробно расспрашивая больныхъ и раненыхъ объ ихъ болѣзняхъ, ранахъ, семьяхъ и т. д. Владыка благословлялъ раненыхъ, раздавая имъ крестики и листки. Архипастыръ безъ всякаго смущенія заходилъ и въ палаты для заразныхъ больныхъ, всюду внося слово участія и привѣта. Раненые были очень тронуты вниманіемъ Владыки и его привѣтственными словами и очень благодарили его за посѣщеніе.

Такъ, въ теченіе 5 дней своего пребыванія въ Ригѣ, прошедшихъ въ торжественныхъ и усердныхъ, утреннихъ и вечернихъ богослуженіяхъ, Архипастыръ внесъ много отрады и утѣшенія въ скорбныя сердца православныхъ рижанъ, нуждающихся въ ободряющемъ и назидательномъ Архипастырскомъ словѣ и молитвенномъ общеніи съ нимъ. Двери Архіерейскаго дома, по обыкновенію, были во всякое время открыты для всѣхъ имѣвшихъ нужду въ личной бесѣдѣ и моральной или матеріальной поддержкѣ Архипастыря. Среди этихъ богослуженій, пріемовъ, посѣщеній лазаретовъ быстро прошли пять дней Архипастырскаго пребыванія въ Ригѣ, и въ 10 ч. утра, 25-го ноября, Его Высокопреосвященство отбылъ съ почтовымъ поѣздомъ въ Юрьевъ, пообѣщавъ рижанамъ пріѣхать 22 го декабря встрѣчать вмѣстѣ съ ними праздникъ Рождества Христова.

С. А. К.

На передовой пастырской позиціи.

Въ буквальной смыслѣ слова пришлось быть на передовой пастырской позиціи тѣмъ рижскимъ священникамъ, которые провели въ г. Ригѣ осень 1915 года. По сложившимся условіямъ и обстоятельствамъ войны, Рига оказалась почти у самаго боевого фронта. Наши кеммернскія, олайскія и даленскія позиціи все это время находились лишь въ немногихъ верстахъ отъ Риги. Все происходившее на этихъ позиціяхъ слишкомъ живо и непосредственно отзывалось на нашемъ полуосажденномъ городѣ. Грохотъ канонады былъ въ эту достопамятную осень обычнымъ рижскимъ концертомъ. Постоянно рѣявшіе въ ясную погоду германскіе аэропланы представляли привычное и, конечно, страшное зрѣлище. Рига вообще до того близко примыкала къ нашимъ позиціямъ, что, по крайней мѣрѣ, для мирныхъ обывателей, въ частности, для мирныхъ пастырей Христовыхъ сама по себѣ уже представляла опасную и безпокойную позицію.

Православные храмы для православной Риги были какъ бы спеціальными фортами, поддерживавшими духовныя силы и нравственную стойкость православныхъ рижанъ въ трудные дни близкой боевой страды.

Не мало трудовъ, хлопотъ, страховъ и тоски выпало на долю тѣхъ рижскихъ пастырей, которые все время оставались на своемъ посту, обуреваемомъ шумомъ и страхомъ близкой войны.

Приходилось совершать богослуженіе подъ громъ близкаго ураганнаго огня, подъ дребезжаніе стеколъ и содроганіе церковныхъ сводовъ. Иногда нужно было по пастырскимъ обязанностямъ пробираться съ одного конца города на другой въ то время, какъ германскія таубе бросали на рижскія улицы бомбы, а наши орудія ихъ обстрѣливали.

Выпадали на долю мгновенія неописуемаго страха, когда, напр., въ глухую полночь проказами цеппелина поднимался въ Ригѣ настоящій адъ; когда испуганному воображенію мерещилось, что Ригу засыпаютъ нѣмецкіе чемоданы, что врагъ окончательно прорвался, и уже наступилъ послѣдній часъ Риги.

Не легче приходилось отъ докучной тоски, отъ ничѣмъ непобѣдимаго унынія. Медленно ползли сырые,

мрачные, осенніе дни. Удручали и подавляли глухія, безпросвѣтныя ночи.

Когда-то живой, обильный, кипѣвшій довольствомъ и поражавшій благоустроенностью городъ теперь былъ безлюднымъ, полузаброшеннымъ, во всемъ оскудѣвшимъ, мрачно притихшимъ, своей омертвѣlostью наводившимъ глубокую тоску. Некуда было дѣваться отъ этой тоски. Уединишься въ квартиру—она полуразорена, холодна, малѣйшими мелочами напоминаетъ далекую семью. Пойдешь въ храмъ—онъ безлюденъ, лишенъ благолѣпія, мраченъ. Ни друзей, ни знакомыхъ, ни постоянныхъ, близкихъ сердцу прихожанъ и духовныхъ чадъ....

Выручали труды и пастырскія заботы, которыя иногда въ очень большомъ количествѣ полосами выпадали на долю рижанъ—батюшекъ.

Помимо обычныхъ службъ и дѣлъ по своему приходу, приходилось нерѣдко много работать для военнаго вѣдомства: обслуживать, напр., экстренно открывавшіеся въ дни боевъ тыловые лазареты, утѣшать, причащать и назидать раненыхъ; были дни, когда на госпитальномъ кладбищѣ нужно было хоронить десятки умершихъ воиновъ (въ одинъ день было похоронено, напр., 80 человекъ).

Не мало давали труда и эвакуирующіеся рижане—рабочіе, приходившіе за метриками, личными удостовѣреніями и разными совѣтами.

Нельзя было оставлять безъ духовнаго обслуживанія и многочисленныхъ бѣженцевъ.

Такимъ образомъ, частенько выпадали на долю оставшихся въ Ригѣ добрыхъ пастырей такіе страдныя дни, въ которые не было возможности не только отдохнуть, но и подкрѣпить себя пищей. Нужно кстати замѣтить, что питаніе и продовольствіе себя въ теченіе минувшей осени представляло большое затрудненіе для оставшагося въ Ригѣ духовенства. Своего хозяйства не было; пользованіе общественными кухмистерскими было особенно затруднительно въ дни усиленныхъ трудовъ. Часто не представлялось никакой возможности купить что-нибудь изъ сѣстнаго и наскоро подкрѣпиться дома. Были дни и даже недѣли, когда самаго необходимаго нельзя было достать въ ближайшихъ лавочкахъ ни за какія деньги. Въ остальное время все было дорого. Фунтъ хлѣ-

ба въ сентябрѣ и октябрѣ стоилъ 8 коп., яйца 15 коп. штука, бутылка молока 30 к. и т. п.

Постоянно остававшихся въ Ригѣ 3—4 приходскихъ священниковъ было вполне достаточно для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ и потребностей православныхъ рижанъ. Собственно контингентъ постоянныхъ прихожанъ-рижанъ уже съ самаго начала осени во всѣхъ рижскихъ приходахъ уменьшился до крайней степени и приблизился почти къ нулю. Съ эвакуаціей чиновниковъ и фабричныхъ рабочихъ, съ удаленіемъ ремесленниковъ, съ производствомъ усиленныхъ военныхъ призывовъ въ Ригѣ почти не осталось коренного русскаго населенія. Ряды его лишь въ слабой степени пополнились бѣженцами. Последніе, вмѣстѣ съ тыловыми военными, стали составлять подавляющую массу богомольцевъ въ рижскихъ православныхъ храмахъ, да и то эту „массу“ нужно понимать въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

Если вообще посѣщаемость храмовъ и исполненіе требъ не прекращались въ Ригѣ, то единственно благодаря присутствію здѣсь бѣженцевъ и военныхъ.

Но и при всемъ ихъ религіозномъ усердіи, религіозная жизнь въ Ригѣ, сравнительно съ нормою мирнаго времени, за осень постепенно совсѣмъ замерла.

По имѣющимся у насъ точнымъ свѣдѣніямъ, средняя посѣщаемость богослуженія по отдѣльнымъ приходскимъ храмамъ выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: Въ Покровскомъ кладбищенскомъ храмѣ за всенощными бдѣніями обычно бывало человѣкъ 8—10, за литургіей 30—50; въ Іоанновскомъ храмѣ вначалѣ осени всенощное бдѣніе посѣщали въ среднемъ человѣкъ 30; во второй половинѣ человѣкъ 15; литургію сначала—150 человѣкъ, потомъ—60.

Въ количествѣ совершенныхъ требъ также замѣчается постепенное пониженіе числа ихъ съ каждымъ слѣдующимъ осеннимъ мѣсяцемъ. Такъ, напр., по Вознесенскому приходу число крещеній понижалось въ такой прогрессіи: въ іюль (съ 19 по 31) было 22 крещенія, за весь августъ только 20, за сентябрь 7, за октябрь 8 и т. д.

На Покровскомъ кладбищѣ, несмотря на время полнаго господства смерти, число совершаемыхъ здѣсь панихидъ противъ прежняго уменьшилось на 90%. Число погребеній выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ: сен-

тябрь 34 (изъ нихъ 13 военныхъ), октябрь 37 (20 военныхъ), ноябрь 20 (13 военныхъ), декабрь 21 (8 военныхъ). Покойниками не изъ военныхъ были бѣженцы, умиравшіе отъ дезинтеріи или отъ пережитыхъ потрясеній. Несмотря на близость фронта и тяжкія условія жизни, не прекращалось въ Ригѣ и совершеніе браковъ. Въ Вознесенской церкви въ іюлѣ были повѣнчаны 34 пары, въ августѣ 23, въ сентябрѣ 12, въ октябрѣ 3, въ Покровской—въ сентябрѣ 3, въ октябрѣ 2, въ ноябрѣ 2. И въ той и въ другой церкви даже въ декабрѣ, съ особаго разрѣшенія, было совершено по одному браку.

Къ немалому утѣшенію православныхъ рижскихъ пастырей, не прекращались за описываемое время и присоединенія. Конечно, исключительныя условія исключали возможность какого-либо массоваго присоединенія инو-вѣрцевъ къ православію; но отдѣльныхъ присоединеній было не мало. Такъ, по Вознесенскому приходу во второй половинѣ іюля присоединилось 13 человекъ, въ августѣ 12, въ сентябрѣ 7, въ октябрѣ 3, въ ноябрѣ 7, въ декабрѣ 1. Были присоединенія и по другимъ приходамъ въ среднемъ отъ 2 до 8 человекъ. Среди оставшихся въ Ригѣ православныхъ людей замѣчался значительный подъемъ религіознаго настроенія. Лютеране-латыши также обнаруживали тяготѣніе къ православнымъ храмамъ и обращались къ православнымъ священникамъ за молитвами объ ихъ погибшихъ на полѣ брани родныхъ воинахъ.

Заштатный священникъ Николай Ивановичъ Поска.

(Некрологъ)

25-го октября с. г., въ Пюхтицѣ послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни мирно въ Бозѣ почилъ заштатный священникъ Николай Ивановичъ Поска, на 48 году отъ рожденія.

Покойный былъ исключительнымъ по своей благочестивой ревности о вѣрѣ Христовой пастыремъ. Горя желаніемъ послужить Господу Богу, онъ всю пастырскую дѣятельность свою направлялъ къ тому, чтобы своихъ пасомыхъ—эстонцевъ привести въ полное послушаніе св. Церкви православной и въ болѣе тѣсное единеніе съ народомъ русскимъ. Образованный, съ твердымъ характеромъ, глубоко вѣрующій, добрѣйшей души человекъ, онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы принести великую пользу св. Церкви и оказать свое мощное вліяніе на жизнь родного народа. Однако, къ сожалѣнію, это ему не суждено было сдѣлать. Жизнь оказалась для него злой мачехой, и онъ, поставленный на свѣщницѣ церковномъ, вскорѣ оказался подъ спудомъ, гдѣ его и настигла преждевременная смерть. Почему покойному пришлось скоро уйти со сцены церковно-общественной жизни, какую служебную трагедію пережилъ онъ, объ этомъ и хотѣлось бы вкратцѣ повѣдать собратьямъ-пастырямъ, сродникамъ и всѣмъ знаемымъ его, да помянуть его всѣ въ молитвахъ своихъ.

Покойный о. Николай былъ сыномъ псаломщика изъ Лайскаго прихода, Лифляндской губ. Образование онъ получилъ низшее и среднее—въ Ригѣ въ духовномъ училищѣ и семинаріи, а высшее—въ Московской Духовной Академіи, которую окончилъ со степенью кандидата богословія въ 1894 году. Въ академіи, благодаря, главнымъ образомъ, доброму вліянію ректора, Преосвященнаго Антонія (нынѣ арх. Харьковскаго), о. Николай изъ академіи вышелъ идейнымъ работникомъ, съ твердыми православно-русскими убѣжденіями, преданный-шимъ сыномъ св. Церкви. Вліяніе на него Владыки Антонія не прекращалось и послѣ, во всю жизнь его. Въ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ пастырской жизни и дѣятельности своей почившій неизмѣнно обращался за совѣтомъ и указаніемъ къ своему наставнику, Владыкѣ Антонію, и послѣдній охотно отвѣчалъ ему.

Съ благословенія же Преосвященнаго Антонія онъ, по окончаніи академіи, ни мало не задумываясь, рѣшилъ посвятить себя на служеніе св. Церкви. Мѣстомъ служенія своего онъ избралъ родную епархію; родному народу онъ хотѣлъ посвятить свои богатые молодые силы и способности. Высокопреосвященный Архіепископъ

Рижскій Арсеній посвятилъ его во священника къ Аросарской церкви (въ 1895 г.). Молодой, полный силъ и энергій, о. Николай горячо принялся здѣсь воздѣлывать ниву Божию. Почва была хорошая, всходы получались прекрасные. Работа кипѣла въ усердствующихъ рукахъ о. Николая. Его цѣнили.

Но недолго пришлось ему здѣсь поработать. Черезъ 3 года онъ переводится отсюда въ г. Ригу, къ Петро-Павловской эстонской церкви. Въ большомъ губернскомъ городѣ ему открылось болѣе широкое поле дѣятельности. Здѣсь онъ со всею ревностію принимается „право править слово истины“. Истовое совершеніе службъ церковныхъ, усердное проповѣдываніе слова Божія, неустанные труды его по насажденію православно-русскихъ началъ въ умахъ и сердцахъ своихъ пасомыхъ эстонцевъ — счастливо выдѣляли его здѣсь, какъ пастыря. Не довольствуясь приходскою дѣятельностію, онъ беретъ на себя разныя отвѣтственныя должности въ городѣ, какъ-то: наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ низшихъ мужскихъ и женскихъ училищахъ; законоучителя при разныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и др. (съ 1898—1906 г.). Кромѣ сихъ должностей онъ, по избранію, состоялъ: членомъ Рижскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія для завѣдыванія опекунскими дѣлами (съ 1903—1906 г.), членомъ Правленія Рижскаго Духовнаго Училища отъ духовенства (съ 1902—1905 г.), депутатомъ отъ Рижско-градскаго духовенства на епархіальномъ соборѣ въ 1905 г. и др. Въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей покойный былъ замѣчательно аккуратнымъ и добросовѣстнымъ. Начальство цѣнило его. Изъ наградъ онъ получилъ: набедренникъ — въ 1898 г., скуфью — въ 1901 г. и камилавку — въ 1905 г. За особливые труды по веденію внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ Рижскомъ кафедральномъ соборѣ былъ удостоенъ Архипастырской благодарности съ призываніемъ благословенія Божія въ 1905 г.

Посвятивъ себя на служеніе св. Церкви, покойный о. Николай не хотѣлъ быть „наемникомъ“; онъ старался быть истиннымъ пастыремъ стада Христова. Пастырство онъ понималъ очень высоко, какъ подвигъ, какъ своего рода мученичество. Онъ признавалъ, что пастырь дол.

женъ не только учить, но и первѣй показывать примѣръ жизни по ученію своему, чтобы вѣрующіе на живомъ его примѣрѣ видѣли, какъ надобно по заповѣдямъ Божиимъ жить. Поэтому, уже съ первыхъ дней своей пастырской службы онъ обращаетъ самое серьезное вниманіе на себя, на свой умъ, волю и сердце, стараясь приводить ихъ въ послушаніе Господу. Чтобы лучше уразумѣть волю Божию и вѣрнѣе возвѣстить ее другимъ, онъ, не довольствуясь полученнымъ образованіемъ, усердно принимается за изученіе слова Божія и твореній святыхъ отцовъ. Весь досугъ свой въ Ригѣ онъ употребляетъ на это святое дѣло. Нѣсколько разъ прочитываетъ онъ Библию, основательно изучаетъ онъ святоотеческую литературу.

Слово Божіе, читаемое съ любовію, всегда оказываетъ благотворное вліяніе на сердце человѣка. Покорило оно въ послушаніе себѣ и сердце о. Николая. Онъ полюбилъ Господа и весь отдался на служеніе Ему. Предъ его умственнымъ взоромъ находились великіе пастыри древней церкви: св. Аѳанасій, Василій Великій, Николай Чудотворецъ и др., которые не только учеными трудами своими, но и личною жизнію оказывали неотразимое вліяніе на паству свою и на все тогдашнее христіанское общество. Онъ благоговѣлъ предъ ихъ непоколебимымъ мужествомъ въ отстаиваніи истинъ св. вѣры предъ еретиками и язычниками и восхищался священными канонами, созданными ими на вселенскихъ и другихъ соборахъ въ упорядоченіе жизни вѣрующихъ и созиданіе Тѣла Христова. Считая каноны твореніями вселенской церкви, подлежащими всецѣлому исполненію и въ настоящее время, онъ задавался цѣлію жизнь своихъ пасомыхъ согласовать съ требованіями этихъ канонъ. Мечта, кажется, несбыточная, тѣмъ не менѣе покойный настойчиво ее преслѣдовалъ. Въ этой своей пастырской ревности покойный о. Николай не щадилъ ни труда, ни силъ своихъ и не смущался никакими неудачами. Имѣя предъ собою идеалъ христіанина изъ первыхъ вѣковъ св. Церкви, когда благочестіе было отличительнымъ признакомъ каждаго члена ея, онъ старался къ этому идеалу направлять жизнь и свою, и своихъ пасомыхъ.

Но время было не такое. Первые вѣка христіан-

ства, времена вселенскихъ соборовъ давно канули въ вѣчность. Церковь Христова успѣла уже пережить разные реформаціи, революціи... Насталъ 1905 годъ, время всеобщаго броженія умовъ и шатанія мысли, время грубаго попиранія завѣтовъ старины и неуваженія къ св. вѣрѣ. Вольнодумство стало вторгаться и въ жизнь Церкви. Для идеалиста о. Николая это было время ужасное, невыносимое. Онъ видѣлъ гибель налаженнаго дѣла, бесплодность пастырскихъ трудовъ и стремленій своихъ. Онъ страдалъ душой. Препрежне свѣтлое, бодрое настроеніе духа его смѣнилось грустнымъ. Онъ сдѣлался неспокойнымъ, въ словахъ и дѣйствіяхъ его стала замѣчаться нѣкоторая эксцентричность. Въ проповѣдяхъ покойнаго стали звучать строго обличительныя ноты. Убѣжденный сторонникъ жизни по канонамъ древней церкви, онъ не могъ, по совѣсти не могъ поступиться въ угоду духу времени и... разошелся съ большинствомъ своего прихода.

Не имѣя болѣе возможности съ пасомыми „соблюсти единеніе духа“ и жить съ ними „въ союзѣ мира“ (Еф. 4, 3), покойный былъ вынужденъ покинуть свой приходъ. Онъ переводится въ Цинтенгофъ, Перновскаго благочинія (въ 1906 г.). Но и здѣсь онъ, нервно разстроенный, не можетъ уже спокойно работать. Неудачная японская война, революція, карательныя отряды — всѣ они оставили на впечатлительной натурѣ о. Николая замѣтные слѣды. Теперь онъ сталъ болѣть душой не столько за Церковь, которой „врата ада не одолѣютъ“ (Мф. 16, 18), сколько за отечество свое, за Русь святую, которая испытывала затрудненія въ борьбѣ съ врагами внѣшними и внутренними. Пастырская совѣсть его подсказывала ему, что вмѣстѣ съ охраненіемъ ввѣреннаго ему стада онъ долженъ заботиться и о цѣлости, силѣ и славѣ всего государства, благо котораго не безразлично для жизни церкви. Какъ истинный патриотъ, онъ безгранично любилъ свое отечество и вмѣстѣ великій русскій народъ съ его преданностью Царю самодержавному. Признавая, что въ единеніи — сила, онъ не могъ примириться съ обнаружившимся въ 1905 г. стремленіемъ нѣкоторыхъ населяющихъ Россію инородцевъ къ національной обособленности. Онъ глубоко вѣрилъ, что спасеніе и сила Россіи — въ сляніи всѣхъ инородцевъ съ

православно-русскимъ народомъ въ одну общую семью, подобно тому, какъ воды рѣчныя сливаются съ водою морскою, образуя одну нераздѣльную и грозную водную стихію. Главными средствами къ этому сліянію покойный считалъ—православную Вѣру и русскій языкъ. На эти два средства онъ и обратилъ свое вниманіе въ Цинтенгофскомъ приходѣ, на ихъ крѣпкомъ основаніи онъ и началъ утверждать жизнь своихъ новыхъ пасомыхъ—эстонцевъ. Въ церкви, въ школѣ, дома—всюду онъ распространялъ и утверждалъ православную вѣру, всюду онъ вводилъ русскій языкъ, всюду онъ совѣтовалъ узко-національный эстонскій укладъ жизни замѣнить православно-русскимъ.

Въ этой своей пастырской дѣятельности покойный допустилъ, къ сожалѣнію, нѣкоторыя крайности, которыя дали поводъ мѣстнымъ „патріотамъ“ вызвать неудовольствіе имъ въ приходѣ. Въ виду этого Консисторія, во избѣжаніе могущихъ возникнуть разныхъ нежелательныхъ эксцессовъ и треній въ приходѣ въ то и безъ того тяжелое для мѣстной православной церкви время, сочла за лучшее перевести его на другой приходъ. Переведенъ онъ былъ въ село Ямы, Везенбергскаго благочинія (въ 1907 г.).

Въ Ямахъ покойный съ прежнею ревностію принимается за пастырское дѣло свое. Приходъ этотъ былъ новый (отдѣленный отъ Сыренецкаго прихода), о. Николай былъ здѣсь первымъ священникомъ. Много пришлось ему потрудиться здѣсь, чтобы наладить жизнь новаго прихода. Работалъ онъ здѣсь успѣшно. Духовную жизнь этихъ пасомыхъ своихъ онъ сталъ направлять по тому же пути, по какому направлялъ въ Ригѣ, т. е. по требованіямъ каноновъ церковныхъ. Въ дѣлахъ лучшаго воспитанія пасомыхъ въ духѣ св. вѣры, покойный пастырь началъ здѣсь всѣ службы и требы совершать „по уставу“, безъ всякихъ пропусковъ. Велико было его рвеніе о спасеніи новыхъ чадъ своихъ. Съ утра до вечера онъ былъ занятъ мыслию о нихъ. „Благовременнѣ и безвременнѣ“ проповѣдывалъ онъ имъ слово Божіе, „обличалъ, запрещалъ, умолялъ ихъ со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“ (2 Тим. 4, 2). Много душевныхъ скорбей, много горькихъ разочарованій пришлось пережить ему и на этомъ приходѣ. Но онъ не смотрѣлъ

ни на что. Онъ смѣло шелъ впередъ своей прямой дорогой, увлекая за собой многихъ. На упорствующихъ и явныхъ нарушителей требованій церкви онъ сталъ налагать эпитиміи, поступая съ таковыми по всей строгости древнихъ канонѣвъ.

Но эта исключительная ревность его о спасеніи своихъ пасомыхъ возбудила скоро противъ него и здѣсь неудовольствіе и ропотъ немощныхъ членѣвъ прихода. На него послали жалобу епархіальному начальству, въ коей обвиняли его то въ чрезмѣрной строгости, то въ разныхъ незаконномѣрныхъ якобы распоряженіяхъ и поступкахъ.

Епархіальное начальство, разсмотрѣвъ эту и всѣ въ разное время поступившія на него жалобы, равно принимая во вниманіе своеобразное до нѣкоторой степени пониманіе и исполненіе имъ пастырскаго долга въ Цинтенгофѣ, пришло, наконецъ, къ мысли, что священникъ Поска—нервно-больной и что дальнѣйшее пребываніе его на мѣстѣ можетъ вредно отозваться на жизни всего прихода. Для точнаго опредѣленія его болѣзни онъ, по постановленію Консистеріи, былъ подвергнутъ медицинскому освидѣтельствуванію врачевнымъ Отдѣленіемъ Лифляндскаго Губернскаго Правленія. Это освидѣтельствованіе оказалось для него неблагопріятнымъ: онъ былъ признанъ неизлѣчимо душевно-больнымъ. Послѣ такого приговора врачей специалистовъ онъ уже не могъ долѣе оставаться на службѣ. Резолюціей Высокопреосвященнаго Архіепископа Агаѳангела онъ былъ уволенъ за штатъ (въ 1909 г.).

На этомъ и прекратилась навсегда пастырская дѣятельность покойнаго О. Николая.

Лишившись мѣста, онъ очутился со своимъ большимъ семействомъ въ 9 душъ въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. Много тяжелыхъ минутъ пришлось пережить покойному. Но онъ, крѣпкій вѣрою, не падалъ духомъ. Немного оправившись отъ неожиданныхъ потрясеній, онъ подаетъ Епархіальному Начальству прошеніе о предоставленіи ему гдѣ либо подходящаго по сану мѣста. Это прошеніе его не было оставлено безъ удовлетворенія; снисходя къ его многосемейности, Епархіальное Начальство принимаетъ его обратно

въ число работниковъ на церковномъ полѣ (съ оставленіемъ его официально за штатомъ), но уже не въ должности пастыря прихода, а скромнаго учителя приходской школы въ селѣ Сыренцѣ. Пробывъ около года на этомъ мѣстѣ, онъ переводится, согласно прошенію, въ Пюхтицу и. д. псаломщика при монастырской церкви. Въ послѣдней должности покойный оставался до конца жизни своей.

Съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ принялъ онъ вѣсть о своемъ переводѣ въ Пюхтицу. Его тянуло въ обитель. Его изстрадавшаяся душа искала утѣшенія, отдыха въ Богѣ, въ молитвѣ. Пережитыя душевныя страданія не только не ослабили, напротивъ, усилили въ немъ преданность и покорность Господу Богу, Которому онъ по мѣрѣ силъ своихъ служилъ. Въ Пюхтицѣ онъ окончательно уходитъ въ Бога. Для удобнѣйшаго служенія Ему онъ затворяется въ „кѣль“ свою, избѣгая общества, отказываясь отъ праздныхъ бесѣдъ и всякаго веселья. Серьезный, сосредоточенный, даже, по видимому, холодно-равнодушный ко всѣмъ, онъ все время проводитъ въ своемъ добровольномъ затворѣ, въ тѣсной, всего въ одну комнату, квартирѣ, зная оттуда только двѣ дороги: въ церковь и школу (въ учебное время). Свободный отъ приходскихъ дѣлъ, онъ, тѣмъ не менѣе, цѣлый день занятъ, занятъ молитвой, чтеніемъ Писаній, богомысліемъ и воспитываніемъ дѣтей своихъ, которыми Господь его благословилъ. По словамъ его домашнихъ, онъ каждый день вставалъ въ 5 часовъ и ложился вечеромъ позже другихъ. Какъ утромъ, такъ и вечеромъ онъ долго молился, прочитывая кромѣ обычныхъ молитвъ по канонику еще нѣсколько акаѳистовъ. По первому удару колокола онъ являлся въ церковь и первый возжигалъ свои свѣчи предъ св. иконами. Въ церкви, преимущественно въ алтарѣ, онъ стоялъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, внимательно выслушивая продолжительныя службы монастырскія. Каждый день посѣщалъ онъ эти службы, исключая дни, когда онъ былъ занятъ по школѣ. Домашнія дѣла никогда не удерживали его отъ посѣщенія храма. Любилъ покойный благолѣпныя службы монастырскія, съ великою радостью принималъ онъ въ нихъ иногда въ сослуженіи съ другими участіе. Въ каждую недѣлю по разу, иногда и по

два раза, подкрѣплялъ онъ себя въ своихъ подвигахъ духовныхъ причащеніемъ св. Таинъ.

Проживая въ Пюхтицѣ подъ спудомъ, покойный пастырь, повидимому, былъ доволенъ своею судьбою, по крайней мѣрѣ, никому не жаловался на нее. Напротивъ, въ своемъ письмѣ на имя Высокопреосвященнаго Антонія Харьковскаго, отъ 25 августа 1915 г. (за 2 мѣсяца до смерти), онъ, между прочимъ, признается: „Я перенесъ великую борьбу, пока не обрѣлъ тотъ „бисеръ“, который даетъ смыслъ жизни и ведетъ въ царство небесное“ (изъ копии письма). „Бисеръ“ этотъ — его крѣпкая вѣра въ Бога, которою онъ поражалъ окружающихъ. Эта крѣпкая вѣра въ Бога была основой его исключительной ревности о спасеніи своемъ и ввѣренныхъ его попеченію душъ, эта вѣра подкрѣпляла его во всѣхъ превратностяхъ его судьбы, этой вѣрой онъ подвизался на святой горѣ, съ этой вѣрой онъ и отошелъ ко Господу.

Кончина его была поистинѣ христіанскою, мирною. Изнуряя себя строжайшимъ постомъ и продолжительными молитвенными подвигами дома и въ церкви, почившій пастырь за послѣднее время сталъ частенько хворать, преимущественно ногами. Въ прошломъ 1914 г. онъ цѣлыхъ два мѣсяца пролежалъ въ кровати. Въ нынѣшнее лѣто онъ вновь заболѣлъ, появилась опухоль ногъ и боли внутри тѣла. Лѣчиться покойный не любилъ, хотя врачебнаго искусства не отвергалъ. Въ болѣзни подкрѣплялъ себя больше молитвой и помазываніемъ чела освященнымъ елеемъ. На болѣзнь свою онъ не обращалъ особаго вниманія и теперь. Пересиливая боли, онъ, по-прежнему, посѣщалъ церковь, хотя выстаивать продолжительныхъ службъ уже не былъ въ состояніи. Въ августѣ 1915 г. онъ настолько ослабѣлъ, что принять участія въ духовныхъ торжествахъ обители, происходившихъ при участіи Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Іоанна (съ 12—17 августа), онъ уже не могъ, о чемъ душевно скорбѣлъ. Владыка, узнавъ о его болѣзни, поспѣшилъ къ нему на домъ, чтобы утѣшить и ободрить его. Утѣшилъ его незадолго передъ тѣмъ и Высокопреосвященный Антоній Харьковскій, приславъ ему свою собственноручно подписанную фотографію. Ободренный, утѣшенный Святителями Божиими, больной, собравъ всѣ свои угасающія силы, въ день храмоваго праздника оби-

тели (15 августа), всталъ и пришелъ въ соборъ, гдѣ, едва стоя на ногахъ, въ полномъ священническомъ облаченіи выслушалъ въ сторонѣ отъ св. престола архіерейскую общину и вмѣстѣ съ другими служащими священнослужителями удостоился изъ рукъ Владыки принять св. таинство Причащенія. Послѣ этого онъ замѣтно окрѣпъ. Всѣ обрадовались, надѣясь на его выздоровленіе. Но болѣзнь крѣпко держала его въ своихъ объятіяхъ. Вскорѣ онъ вновь занемогъ. Болѣзнь стала прогрессировать. Тѣло его, одержимое страшнымъ недугомъ, отказалось принимать какую-либо пищу. Жизнь его стала на глазахъ всѣхъ угасать. Сознывая неизбежность скорого конца, больной сталъ готовиться къ исходу отъ міра сего. Горячо молился онъ Богу въ послѣдніе дни жизни. Вѣрная супруга его, сторожившая одръ его, не разъ заставляла его по ночамъ тихо плачущимъ. О чемъ онъ плакалъ? Эту тайну онъ унесъ вмѣстѣ съ собою въ могилу. Безъ сомнѣнія, въ слезахъ онъ изливалъ свою скорбь предъ Пастыреначальникомъ и Отцомъ небеснымъ какъ за себя, такъ и за оставляемыхъ имъ на Его попеченіи малыхъ дѣтей своихъ. Несмотря на тяжкія страданія изъ устъ его не выходило ни одного стона, ни одной жалобы на боль. Удостоенный за недѣлю предъ тѣмъ св. таинствъ, Соборованія и Причастія, онъ умеръ спокойно, въ полномъ сознаніи, какъ-бы уснулъ... Было воскресное утро. Большой монастырскій колоколъ 12-ю заунывными ударами возвѣтилъ насельниковъ и насельницъ св. горы объ отшествіи въ загробный міръ іерея Николая.

Такъ окончилась земная жизнь этого ревностнаго служителя Церкви и поборника благочестія, великаго молитвенника и постника, іерея Божія Николая.

Теперь самъ собою напрашивается вопросъ: были ли почившій пастырь психически больнымъ? Конечно, не компетентны мы оспаривать правильность діагноза болѣзни его врачей специалистовъ, тѣмъ болѣе теперь, послѣ смерти его. Можемъ лишь, въ интересахъ истины и по любви къ почившему собрату, констатировать, что намъ, его сослуживцамъ, и всѣмъ знаемымъ его по службѣ въ Пюхтицѣ, онъ не казался таковымъ. При разговорѣ съ нимъ онъ всегда выказывалъ ясность мысли и правильность сужденій. Правда, въ обсужденіи нѣкото-

рыхъ вопросовъ изъ области церковнаго устава и богослужебной практики онъ часто поражалъ насъ оригинальностью, даже подчасъ странностью разсужденій, но эту странность никакъ нельзя было назвать его болѣзью. Его разсужденія всегда имѣли вполнѣ разумныя и вѣскія основанія, съ которыми нельзя было не соглашаться. Оставшаяся послѣ него переписка съ разными лицами также уличаетъ въ немъ вполнѣ нормальнаго и психически здороваго человѣка. И покойный себя больнымъ не считалъ. Напротивъ, чувствуя себя здоровымъ, онъ крайне тяготился клеймомъ „больного“. Не разъ онъ дѣлалъ попытки къ реабилитаціи себя, ходатайствуя, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о переосвидѣтельствованіи своего здоровья, но безуспѣшно: въ этомъ ему было всякій разъ почему-то отказываемо. До гроба долженъ былъ онъ носить „поношеніе безумія“, несмотря на то, что „психическая болѣзнь“ его ни разу не послужила ему препятствіемъ къ достойному прохожденію имъ должности псаломщика и учителя мѣстной двухклассной церковно-приходской школы за все время жизни его въ Пюхтицѣ, т. е. болѣе 5-ти лѣтъ.

Резюмируя все сказанное, позволительно усумниться въ правильности діагноза „болѣзни“ почившаго пастыря и признать болѣе близкимъ къ истинѣ мнѣніе, что онъ въ своей благочестивой ревности о правдѣ Божіей и спасеніи ближнихъ въ нашъ маловѣрный и развращенный вѣкъ былъ „буимъ Христа ради“ (1 кор. 4, 10).

Погребеніе о. Николая состоялось 29 октября. Отдать послѣдній земной долгъ почившему пріѣхали: Везенбергскій благочинный священникъ І. Вево изъ Ревеля, сыренецкій священникъ В. Каменевъ, ямской священникъ А. Лебедевъ и два родныхъ брата его: законоучитель Везенбергской учительской Семинаріи свящ. П. Поска и ревельскій городской голова И. И. Поска. Со дня кончины до погребенія непрерывно читалось при немъ Евангеліе, и по 2—3 раза въ день служились панихиды. Наканунѣ дня погребенія было совершено монастырскимъ причтомъ соборнѣ съ пріѣзжими священнослужителями заупокойное всенощное бдѣніе, а въ самый день погребенія ими же—божественная Литургія и

чинъ отпѣванія. Все отпѣваніе его происходило въ соборномъ храмѣ монастыря въ присутствіи настоятельницы обители Игуменіи Алексіи съ сестрами, учащихя мѣстной церк.-приходской школы и многихъ окрестныхъ жителей. На Литургіи, во время „запричастнаго“, монастырскимъ священникомъ о. А. Луга было сказано весьма прочувствованное, посвященное памяти усопшаго слово, вызвавшее у всѣхъ изъ груди вздохъ сожалѣнія о безвременной кончинѣ новопреставленнаго пастыря и умилившее многихъ до слезъ. Второе сердечное слово— импровизацію произнесъ передъ отпѣваніемъ товарищъ покойнаго по Семинаріи благочинный о. І. Вево, охарактеризовавшій его, какъ симпатичнѣйшаго, добрѣйшаго и вѣрнаго товарища, ревностнаго пастыря и учителя, послужившаго на пользу ближняго до самопожертвованія. Съ напряженнымъ вниманіемъ было выслушано это „curriculum vitae“ упокоившагося пастыря изъ устъ близко знавшаго его человѣка. Предъ послѣднимъ цѣлованіемъ прощальное слово сказалъ свящ. Хр. Винкъ, выслушавъ которое, всѣ молящіяся сдѣлали земной поклонъ почившему, испрашивая у него прощенія въ причиненныхъ ему когда-либо огорченіяхъ. По окончаніи послѣдняго цѣлованія останки покойнаго были подняты священнослужителями и, въ предшествіи крестнаго хода, вынесены изъ церкви. При трогательномъ пѣніи ирмосовъ великаго канона и печальномъ перезвонѣ, въ сопровожденіи сестеръ и другихъ молящихся, печальная процессія, обойдя кругомъ собора, направилась чрезъ св. ворота на монастырское кладбище, гдѣ у южной стѣны алтаря Николо-Арсеніевской церкви было приготовлено почившему пастырю мѣсто вѣчнаго упокоенія. Здѣсь, по окончаніи литіи, краткое послѣднее слово въ утѣшеніе собравшихся сказалъ свящ. В. Каменевъ, указавъ на то, что покойный былъ пастыремъ истиннымъ, учившимъ всѣхъ не словомъ только, но и дѣломъ, всю жизнь свою, для котораго теперь смерть— восхожденіе въ радость Господа своего.

Гробъ опустили въ могилу. Въ послѣдній разъ скорбящая супруга и малыя дѣти-сироты его взглянули туда, гдѣ скрывались дорогіе останки мужа и отца, и горячія слезы ихъ, какъ дань любви къ нему, смѣшались съ землею, сыпавшеюся въ открытую могилу на гробъ.

Слышны были сдержанныя всхлипыванія окружающихъ. Къ выраженію общей скорби о безвременно угасшемъ свѣтильникѣ вѣры и благочестія присодинилась и безчувственная природа. Доселѣ застывшая въ раннемъ осеннемъ морозѣ, она вдругъ размягчилась, и изъ пасмурнаго неба полились обильныя капли дождя, точно капли слезъ, на свѣжій могильный холмъ новопреставленнаго іерея Николая.

„Спи, дорогой собратъ! Покойся отъ праведныхъ трудовъ и печалей земной жизни своей! При всѣхъ превратностяхъ судьбы своей ты оставался вѣрнымъ служителемъ Господа Бога своего, угождая Ему „и бдѣніемъ, и пощеніемъ, и молитвою“. Радуйся теперь и веселись, яко мзда твоя многа на небесѣхъ“!

Свящ. Хр. Винкъ.

Поученіе свящ. о. А. Лути.

Глубокая, невыразимая скорбь сжимаетъ сердце при видѣ лежащаго въ гробѣ семъ и предстоящихъ окрестъ его... Можно-ли было предполагать, по человѣческимъ соображеніямъ, что лютаѣ смерть сразитъ успшаго собрата нашего въ то время, когда онъ успѣлъ достигнуть едва лишь половины того предѣла земнаго бытія человѣческаго, какой указанъ псалмопѣвцемъ. Рано бы еще умирать почившему, нужно бы ему пожить, пожить хотя бы ради семейства, для котораго онъ былъ такъ нуженъ: таковъ общій голосъ нашъ, голосъ человѣческихъ сужденій и предположеній... Вотъ, предъ нами неутѣшимая вдова, для которой гробъ сей уноситъ въ землю всю радость и счастье земной жизни. Предъ нами его малолѣтнія дѣти—сироты, изъ которыхъ одни сознательно, а другія еще безсознательно оплакиваютъ въ немъ опору и руководителя, защиту и понечителя въ трудные годы юности. Предъ нами сѣтующіе сродники почившаго, потерявшіе въ немъ привѣтливаго, любвеобильнаго и отзывчиваго на всякую ихъ радость и горе незамѣнимаго брата и друга. Мы видимъ здѣсь и многочисленный сонмъ сослуживцевъ покойнаго, соболѣзнующихъ о немъ, какъ о добромъ товарищѣ и сотрудникѣ на тернистой

нивѣ пастырскаго дѣланія и сопряженныхъ съ нимъ разнообразныхъ служеній въ области церковной и просвѣтительной. Наполняютъ храмъ сей и сестры — насельницы св. горы, которымъ служилъ онъ съ подобающимъ усердіемъ, въ мѣру и не въ мѣру силъ своихъ. Оплакиваютъ его „братья и друзи, сродницы и знаеміи“. Какъ же это случилось, что онъ умеръ столь, повидимому, преждевременно? Отчего ни горячія желанія родныхъ и знаемыхъ, ни врачебная помощь не возставили его отъ одра болѣзни? Богу такъ угодно было. — Въ жизни нашей не бываетъ ничего случайнаго. Безъ воли Божіей и власть главы нашея не падаетъ.

Смотря на осиротѣлую семью почившаго, пораженную скорбію и горемъ, и мы всё горюемъ и скорбимъ сердцемъ, потому — что тревожимся мыслію, какъ они бѣдные будутъ жить послѣ такой утраты, какъ они слабые будутъ бороться съ нуждою и невзгодами житейскими. Да, если бы мы предоставлены были въ сей юдоли плачевной только самимъ себѣ, тогда, поистинѣ, наша скорбь была бы неутѣшною. Но мы не беспомощны, мы не одиноки: надъ нами недремлющее око Всеблагото Промыслителя.

Обратимъ къ Нему взоръ свой и успокоимся! Вспомнимъ, что говоритъ свыше вдохновенный и богатый опытомъ житейскимъ царственный пророкъ Давидъ: „юнѣйшій быхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже стѣмене его просяща хлѣба. Господь помощникъ сирыхъ и заступникъ вдовицъ: упованіе ихъ Отецъ, приобъжише ихъ Сынъ, покровъ ихъ Духъ Святой“. Нѣтъ мрака, который не исчезалъ бы при свѣтѣ солнца; нѣтъ печали, которая не проходила бы при мысли о Богѣ. Такъ успокаивая себя, отдадимъ послѣдній долгъ нашъ усопшему рабу Божію іерею Николаю, не плача и сътуя, яко же и прочіи неимущіе упованія, но благодаряще Бога. Послѣдній долгъ не въ томъ состоитъ, чтобы неутѣшно плакать объ усопшемъ, а въ томъ, чтобы усердно молиться о упокоеніи души его. Не слезы ему отъ насъ нужны, а наши молитвы о немъ. Скажете: нельзя не плакать, скорбь великая, горе тяжкое. Правда, такова уже природа человѣка, что скорбь сердечная невольно вызываетъ слезы и рыданія. Чтоже! Плачьте, но въ то же время и молитесь, возводя слезные взоры

свои къ Всеблагому Богу; молитва со слезами утоляетъ горе и облегчаетъ душу. Что сказать въ утѣшеніе вамъ, супруга и дѣти почившаго, которые всѣхъ болѣе имѣете нужды въ немъ? Вашъ приснопоминаемый усопшій былъ служителемъ Господа. Просите у Него помощи и подкрѣпленія, и Онъ, Милосердный, будетъ помогать вамъ, будетъ подкрѣплять васъ, будетъ вамъ и утѣшенія подавать. Вдовы и сироты служителей царскихъ обыкновенно въ царяхъ имѣютъ себѣ особенныхъ защитниковъ и покровителей; вдовы и сироты служителей Христовыхъ всегда найдутъ въ Христѣ Іисусѣ благонадежнѣйшую защиту, незыблемую опору и неусыпное покровительство.

Прости меня, дорогой товарищъ и сослуживецъ, что я осмѣлился нарушить твой покой, что рѣшился, при видѣ тебя лежащимъ во гробѣ, предложить слово назиданія благоговѣнно окрестъ тебя стоящимъ! Прости, дорогой Николай Ивановичъ, что я не могъ спѣть тебѣ достохвальной надгробной пѣсни на твой исходъ!

„О друже, чесо ради не глаголеши, якоже глаголаше еси намъ прежде: братіе, мои возлюбленніи, не забывайте мя, егда поете Господа: но поминайте и братство и молитте Бога, да успокоитъ мя съ праведными Господь“!

Отъ редакціи.

О продолженіи изданія Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Настоящимъ номеромъ заканчивается изданіе Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ истекшемъ 1915 году. Этотъ годъ, крайне тяжелый для всѣхъ сторонъ и проявленій всей нашей государственной и церковной жизни, былъ, конечно, весьма неблагоприятнымъ и для нашего изданія. Оно доведено до конца года съ большимъ запозданіемъ и въ урѣзанномъ объемѣ, по крайней мѣрѣ, на цѣлую треть. Во время эвакуаціи изъ гор. Риги рижскаго духовенства и епархіальныхъ учреждений было предположено пріостановить изданіе Риж. Епарх. Вѣдомостей до общаго возвращенія въ Ригу и восстановленія прежняго порядка жизни на постоянныхъ мѣ-

стахъ. Однако, послѣ того какъ явилась возможность выпустить очередной номеръ въ г. Ярославль при содѣйствіи мѣстной епархіальной типографіи, редакция Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, хотя и съ большими затрудненіями, проволочками и расходами, приготовила два сводныхъ номера (15—16 и 17—20); первый изъ нихъ вышелъ въ половинѣ сентября, второй — въ концѣ ноября.

Данный послѣдній номеръ 1915 года (21—24) выпускается въ Нижнемъ-Новгородѣ при еще болѣе затруднившихся условіяхъ изданія. Непомѣрно возросли цѣны на типографскій трудъ и особенно на бумагу. Типографская работа уже и сейчасъ вздорожала на 100—200 процентовъ, а бумага на 300 и даже на 400. При этомъ никакихъ постоянныхъ условій даже на самое короткое время ни одна типографія не принимаетъ, такъ какъ ожидается дальнѣйшее прогрессивное вздорожаніе всего. Изданіе каждаго дальнѣйшаго номера должно, значитъ, обходиться все дороже и дороже. Если принять во вниманіе, что съ занятіемъ германцами Курляндіи Епархія наша, а на ряду съ ней и подписная плата на Епархіальныя Вѣдомости сократились, приблизительно, на одну четверть, а можетъ быть и болѣе, — то, повидимому, продолженіе изданія Рижскихъ Епарх. Вѣдомостей въ настоящемъ 1916 году является дѣломъ совершенно невозможнымъ; тѣмъ не менѣе, съ благословенія Его Высокопреосвященства и согласно высказанному нѣкоторыми почтеннѣйшими представителями рижскаго духовенства желанію, предположено всетаки продолжать изданіе Рижскихъ Епарх. Вѣдомостей и въ 1916 году. Въ виду недобора подписной платы и чрезмѣрно возросшихъ расходовъ по изданію, *будетъ выпущено лишь столько номеровъ, на сколько достанетъ средствъ.* По возможности будетъ выходить *одинъ номеръ въ мѣсяцъ* объемомъ около двухъ печатныхъ листовъ. Главнымъ основаніемъ для такого урѣзаннаго изданія при настоящихъ тяжкихъ условіяхъ является желаніе запечатлѣть на страницахъ своего епархіальнаго органа и сохранить послѣдующему времени болѣе выдающіеся факты епархіальной жизни, происшедшіе въ настоящій чрезвычайно важный историческій моментъ.

Наша Епархія, вмѣстѣ со всею Россією и цѣлою Европою, переживаетъ важные историческіе дни, пусть сейчасъ крайне тяжкіе, но несомнѣнно и на вѣки приснопамятные. При томъ наша Епархія, волей Божіею, очутилась на передовой линіи настоящей міровой войны. Много испытаній, страданій, невзгодъ и трудовъ выпало на долю нашихъ пастырей и пасомыхъ. Много у насъ нуждъ и потребностей; не мало совершается съ виду скромныхъ, но по существу очень достопамятныхъ подвиговъ. Все это требуетъ гласности. Обо всемъ этомъ нужно говорить и для достиженія улучшенія нашего положенія въ настоящемъ и для сохраненія воспоминанія въ будущемъ.

Редакція Рижскихъ Епарх. Вѣдомостей, оторванная отъ Епархіи и заброшенная отъ ея предѣловъ болѣе, чѣмъ на полторы тысячи верстъ, надѣется хотя отчасти достигнуть намѣченной цѣли, но, конечно, лишь при доброжелательномъ содѣйствіи епархіальнаго духовенства и другихъ доброхотныхъ сотрудниковъ.

Она обращается ко всѣмъ своимъ подписчикамъ и читателямъ съ неотступною просьбою запечатлѣть своимъ посильнымъ перомъ все заслуживающее вниманія и опубликованія изъ настоящей многотрудной и многознаменательной жизни какъ самаго духовенства, такъ и ея паствы. Нужды, страданія, труды, страхи, подвиги, свѣтлыя и мрачныя душевныя переживанія, успѣхи вѣры и опасности для нея, недоумѣнія и счастливыя соображенія, недуги и заслуги и, наконецъ, даже мелочи, характеризующія моментъ—все это для насъ будетъ желательнымъ матеріаломъ. Практически пригодны для напечатанія не столько обширныя статьи, сколько маленькія содержательныя замѣтки, касающіяся всего, болѣе характернаго изъ нашей настоящей епархіальной и приходской жизни.

Послѣдующія времена и поколѣнія будутъ чрезмѣрно интересоваться нашими днями, событіями и переживаніями. Для нихъ будутъ цѣнны малѣйшія детали жизни нашихъ дней. Пусть же никого не смущаетъ кажущаяся незначительность замѣтки или ея сюжета. Пусть одушевитъ нашихъ авторовъ сознаніе, что они пишутъ не только для современниковъ, но и для потомковъ; и послѣдніе, навѣрно, съ особенной благодарностью и интересомъ отнесутся къ тому, на что современ-

ники могутъ даже и не обратитьъ вниманія, какъ на всѣмъ теперь извѣстное и по настоящему времени заурядное!

Вообще отъ самого духовенства Епархіи зависитъ сдѣлать свой органъ интереснымъ и полезнымъ, и сдѣлать его такимъ въ настоящіе чрезвычайные дни легче всего. Пусть же улетучится обычная боязнь сотрудничества, по крайней мѣрѣ, въ настоящее неповторимое время. Пусть никого не смущаетъ мысль, что онъ, взявъ перо въ руку и написавъ что-нибудь для Вѣдомостей, тѣмъ самымъ записывается въ выскочки и навлекаетъ нерасположеніе сосѣдей! Пусть онъ этимъ сосѣдямъ покажетъ примѣръ гражданскаго мужества въ добромъ дѣлѣ поддержанія своего родного печатнаго органа!

Всѣ корреспонденціи и подписныя деньги редакція покорнѣйше проситъ направлять *по адресу: Нижн.-Новгородъ, Канатная улица, № 11, кв. 1. Свящ. В. Щукину.*

№ 2148

И. д. Редактора, преподав. дух. сем. соборн. свящ. В. Щукинъ.

Дозволено цензурою, цензоръ кае. прот. В. И. Плисъ.

Типографія Нижегородскаго Губернскаго Правленія.